ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать первый. | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ | 29-го Мая 1883 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб. Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе годы и за настоящій 1883 г. по 10 коп. (марками).

Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 22.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.

за два раза 15 „

за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

— *О дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ.* Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Въ измѣненіе и дополненіе дѣйствующихъ относительно послѣдователей раскола узаконеній, постановить слѣдующія правила:

1. Паспорты на отлучки внутри Имперіи выдаются раскольникамъ всѣхъ сектъ, за исключеніемъ скопцовъ, на общемъ основаніи. Дѣйствующія правила о паспортахъ скопцовъ остаются безъ измѣнія.

2. Всѣмъ вообще раскольникамъ дозволяется производить торговлю и промыслы, съ соблюденіемъ общедѣйствующихъ по сему предмету постановленій.

3. Раскольники допускаются къ вступленію въ иконописные цехи, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

4. Раскольникамъ дозволяется занимать общественныя должности, съ утвержденія, въ указанныхъ законами случаяхъ, подлежащихъ правительственныхъ властей. Въ томъ случаѣ, когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостнаго старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ. Принадлежащіе къ расколу волостные старшины и ихъ помощники не допускаются къ участію въ дѣлахъ приходскихъ попечительствъ.

5. Раскольникамъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, съ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка. Независимо отъ сего, относительно часовень и другихъ молитвенныхъ зданій, соблюдаются правила, постановленныя въ статьяхъ 6—8 настоящаго узаконенія.

6. Раскольникамъ предоставляется исправлять и возобновлять принадлежащія имъ часовни и другія молитвенныя зданія, приходящія въ ветхость, съ тѣмъ, чтобы общій наружный видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ. На производство упомянутыхъ работъ, предварительно приступа къ онымъ, испрашивается каждый разъ разрѣшеніе губернатора или начальника области. Въ случаѣ необходимости такой перестройки молитвеннаго зданія, вслѣдствіе которой общій наружный его видъ долженъ подвергнуться измѣненію, соблюдается порядокъ, указанный въ статьѣ 8-й сего узаконенія.

7. Распечатаніе молитвеныхъ зданій раскольниковъ допускается съ особаго разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы распечатаніе производилось безъ всякаго торжества, причемъ о каждомъ случаѣ этого рода Министръ входитъ предварительно въ сношеніе съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Распечатаніе раскольничьихъ монастырей и скитовъ не допускается.

8. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовень, ни другихъ молитвенныхъ зданій, дозволяется, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, обращать для общественнаго богомоленія существующія строенія. При этомъ наблюдается, чтобы обращаемому для сего строенію не былъ придаваемъ внѣшній видъ православнаго храма и чтобы при немъ не имѣлось наружныхъ колоколовъ. Наддверные кресты и иконы надъ входомъ въ часовню или другое молитвенное зданіе ставить не возбраняется.

9. При погребеніи умершихъ раскольниковъ дозволяются: а) предношеніе иконы сопровождаемому на кладбище покойнику и б) твореніе на кладбищѣ молитвы по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ, съ пѣніемъ, но безъ употребленія церковнаго облаченія.

10. Уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за сіе преслѣдованію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они окажутся виновными въ распространеніи своихъ заблужденій между православными или въ иныхъ преступныхъ дѣяніяхъ. За означенными лицами не признается духовнаго сана или званія, причемъ они считаются, въ отношеніи къ правамъ состоянія, принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ.

11. Послѣдователямъ раскола воспрещается публичное оказательство онаго, которымъ признаются: а) крестные

ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ; б) публичное ношеніе иконъ, за исключеніемъ случая, предусмотрѣннаго въ пунктѣ *а* статьи 9-й настоящаго узаконенія; в) употребленіе внѣ домовъ, часовень и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія, или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній, и г) раскольничье пѣніе на улицахъ и площадяхъ.

12. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи статей 3, 4, 7 и 8 настоящаго узаконенія, требуется разрѣшеніе или утвержденіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, онъ дѣлаетъ надлежащія, относительно раскольниковъ, распоряженія, сообразуясь какъ съ мѣстными условіями и обстоятельствами, такъ равно съ нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами каждой секты.

II. Отмѣнить нижеслѣдующія статьи свода законовъ: а) тома IX, законовъ о состояніяхъ (изд. 1876 г.), статьи 528, 530 и 531; б) тома X, части 2, законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (изд. 1876 г.), статью 329; в) тома XI, части 2, устава торговаго (изд. 1857 г.), примѣчаніе 2 къ статьѣ 13-й и примѣчаніе къ статьѣ 32-й; г) тома XI, части 2, устава ремесленнаго (изд. 1879 г.) статью 88 (вторую половину); д) тома XIV, устава о паспортахъ (изд. 1857 г.), статью 44 и примѣчаніе 1 (по своду), примѣчанія 2, 3 и 4 (по прод. 1876 г.); е) тома XIV, устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (изд. 1876 г.), статьи 50, 51 (вторую половину), 52, 55 (первую половину), 56, примѣчаніе къ статьѣ 62, статьи: 64 съ примѣчаніемъ при ней, 66, 68 съ примѣчаніемъ при ней и 69 (первую половину); ж) тома XV, части 2, законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ (изд. 1876 г.), статью 250,—какъ замѣняемыя издаваемыми нынѣ правилами.

III. Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ безотлагательно принять мѣры къ отмѣнѣ тѣхъ изъ числа не вошедшихъ въ сводъ законовъ постановленій о раскольникахъ, которыя оказываются несогласными съ настоящимъ узаконеніемъ или съ Высочайше утвержденными 16 августа 1864 года заключеніями особаго временнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 3-го сего мая, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Мѣстныя Распоряженія.

— 21 мая, настоятель Тиховольской церкви, Пружанскаго уѣзда, *Владиміръ Осташевскій* и и. д. псаломщика той же церкви *Василій Миклашевичъ* **перемѣщены**: первый—на вакантное мѣсто настоятеля Чернянской церкви, Брестскаго уѣзда, а второй на вакантное мѣсто псаломщика къ Житлинской церкви, Слонимскаго уѣзда.

— 23 мая, вакантное мѣсто настоятеля при Милькановичской церкви, Слонимскаго уѣзда, предоставлено священнику *Іоанну Теляковскому*.

— 23 мая, утверждены въ должности церковныхъ старостъ выбранные къ церквамъ: 1) Головачской, Гродненскаго уѣзда, крест. с. Головачи *Алексѣй Андреевъ Ханюта*; 2) Вѣжецкой, Пружанскаго уѣзда, крест. дер. Столповъ *Игнатій Кирилловъ Касютычъ*.

Мѣстныя Извѣстія.

— **Виленское православное св.-Духовское братство**, отъ 24 сего мая за № 600, увѣдомляя г. регента Виленскаго архіерейскаго хора пѣвчихъ Л. И. Ромаскевича о полученіи братствомъ 319 р. 10 к., вырученныхъ отъ духовнаго концерта, даннаго 3 апрѣля сего года, вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ какъ ему, г. Ромаскевичу, такъ равно и всѣмъ принимавшимъ участіе въ означенномъ концертѣ, глубокую сердечную благодарность, за труды принявшіе на себя для благотворительной цѣли братства.

— 23 апрѣля, **освящена** Споровская церковь, приписная къ Здитовской, Слонимскаго уѣзда, послѣ ея ремонтировки.

— **Некрологъ.** 4 мая, скончался и. д. псаломщика Слонимской соборной церкви *Иванъ Як. Червяковскій*.

— **Вакансіи. Настоятеля:** въ м. *Нарвѣ*—Бѣльскаго уѣзда, въ с. *Гутовѣ*—Кобринскаго уѣзда, въ с. *Добромыслѣ*—Слонимскаго уѣзда и въ с. *Тиховоли*—Пружанскаго уѣзда. **Псаломщика:** въ г. *Слонимѣ*—при соборной церкви, въ с. *Высокодворѣ*—Трокскаго уѣзда, въ с. *Тиховоли*—Пружанскаго уѣзда, *Таурогенѣ*—Ковенской губ., въ с. *Черняковѣ*—Пружанскаго уѣзда и въ г. *Пружанахъ*.

Неоффиціальный Отдѣлъ.

15-го мая. День Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ.

15-го мая съ ранняго утра, или вѣрнѣе съ поздней ночи, древняя Москва представляла особенный видъ. Жизнь точно замерла везде, и переселилась въ Кремль и около Кремля. Тамъ, можно сказать безъ преувеличенія, была вся Россія: тамъ билось сердце 80-милліоннаго народа. День занимался пасмурный, но онъ казался всѣмъ ярко солнечнымъ. Въ самомъ Кремлѣ, къ часамъ шести были уже сотни тысячъ народа. И все такъ тихо сбиралось, говорило шопотомъ, благоговѣйно, точно вблизи кто-то дорогой почивалъ, и грубый простолюдинъ вчера—сегодня превратился чудесно въ самаго нѣжнаго, деликатнаго сына, боявшагося даже движеніемъ и шепотомъ нарушить благоговѣніе начинавшагося дня. Невольно глядя на эти сотни тысячъ умиленно и благовѣйно стоявшаго народа, вспомнились иностранцы-французы: это сыны прогресса, которые называютъ насъ „варварами Сѣвера, или сынами Азіи“. Въ седьмомъ часу уже все кипѣло въ Кремлѣ государственною жизнію: войска, сановники, послы, духовенство, придворные—все это двигалось и разставлялось по мѣстамъ, отправлялось куда каждому слѣдовало; началъ крапать дождь. Народъ шепталъ; „благодать Божія, Божія роса“, и принималъ этотъ теплый дождь за благовѣстное знаменіе.

Къ сему великому дню внутренность Успенскаго собора приняла необычайно величественный видъ. До высоты входныхъ дверей всѣ стѣны были затянуты алымъ сукномъ. Такимъ же сукномъ обтянутъ помостъ, занимающій весь храмъ и на нѣсколько ступеней поднимающійся надъ уровнемъ пола. Западныя двери совершенно закрыты и затянуты сукномъ, для входа и выхода оставлены лишь южныя и сѣверныя двери. Въ срединѣ собора, между четырьмя столпами, на широкой площадкѣ, двѣнадцать ступеней, устроено обитое малиновымъ бархатомъ возвышеніе, на кото-

ромъ помѣщены престолы Государя Императора и Государыни Императрицы подъ роскошнымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ сверху цѣпью, прикрѣпленною къ сводамъ храма. Площадка вокругъ трона окружена вызолоченною балюстрадой; другая золоченая балюстрада отдѣляетъ все среднее пространство помоста отъ боковыхъ его частей и той, которая находится назади. Эстрада, идущая вдоль стѣнъ, имѣетъ шесть широкихъ ступеней, возвышающихся одна надъ другою.

Въ половинѣ восьмого появляются пѣвчіе съ г. Балакиревымъ и духовенство; нѣсколько дамъ занимаютъ мѣста на трибунѣ статсъ-дамъ и фрейлинъ; онѣ въ такъ называемыхъ русскихъ костюмахъ и кокошникахъ. Входитъ на минуту великій князь Владиміръ Александровичъ. Передъ алтаремъ, у ступеней троннаго возвышенія, занимающаго все пространство между четырьмя колоннами, на которыхъ покоятся своды храма, стоятъ четыре кавалергарда въ супервестахъ: по бѣлому мундиру красная грудь и красная спина съ большими звѣздами на нихъ—парядъ необыкновенно красивый.

Тронная эстрада покрыта малиновымъ бархатомъ; оба трона съ скамейками для нихъ малиноваго же бархата; троны: одинъ Михаила Ѳеодоровича—для Государя, другой Алексѣя Михайловича — для Государыни — обыкновенной формы кресла съ подушками и спинками изъ бархата того же цвѣта; но кресла эти украшены золотомъ и драгоцѣнными камнями и перевиты золотымъ шнуромъ и кистями; верхъ ихъ вѣнчается небольшими орлами; надъ трономъ балдахинъ съ страусовыми перьями нашихъ національныхъ цвѣтовъ; балдахинъ виситъ на золотомъ шнурѣ, прикрѣпленномъ къ желѣзнымъ связямъ соборныхъ сводовъ. Налѣво отъ трона Государя длинный столъ, покрытый золотой парчей до полу; на столѣ бархатная подушка, украшенная по краямъ золотымъ позументомъ. Все это блеститъ роскошью и изяществомъ въ этомъ храмѣ съ золотымъ иконостасомъ, съ иконами сіяющими драгоцѣнными камнями, съ расписанными ликами святыхъ на колоннахъ, въ этомъ храмѣ, свидѣтелѣ столькихъ событій русской исторіи. Воображеніе переноситъ васъ и во времена Грознаго, и во времена смуты, когда храмъ подвергся грабежу, и въ 1812 годъ, когда французы почти ничего въ немъ не пощадили. Свидѣтель радости и горя Русской земли, Успенскій соборъ блисталъ во всемъ своемъ вѣковомъ величіи, обновляясь вмѣстѣ съ Русью...

На Иванѣ Великомъ звонили и глухо отдавался звукъ въ стѣнахъ храма, который все наполнялся и наполнялся. По временамъ въ храмѣ слышался какой-то шумъ, доносившійся извнѣ, какъ шумъ моря. Прибывавшіе разговаривали между собой.

На эстрадѣ статсъ-дамъ и фрейлинъ довольно много; есть высокіе кокошники, украшенные жемчугомъ и бриллiантовыми подвѣсями; бриллiантовыя колье, бриллiанты на груди, въ ушахъ; брюнетка въ золотой накидкѣ обращаетъ на себя вниманіе; иностранные корреспонденты спрашиваютъ кто она. Возлѣ нихъ—представители иностранныхъ исповѣданій, изъ нихъ двое католическихъ архіереевъ въ красныхъ сутанахъ и орденахъ.

Въ 8 часовъ митрополитъ Исидоръ входитъ въ храмъ въ свѣтлой голубой мантіи, благословляетъ присутствующихъ и начинаетъ облачаться. Кавалергарды занимаютъ мѣста на ступеняхъ, ведущихъ къ тронному возвышенію. Въ половинѣ 9-го отворяются царскія врата, выходятъ въ облаченіяхъ митрополиты новгородскій, московскій и кіевскій и больше двадцати епископовъ, и начинается молебствіе о здравіи Государя. Раздается въ стѣнахъ храма „Христосъ воскресъ“.

Въ это время внѣ собора вотъ что происходило.

Въ 7 ½ часовъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ спустился съ Краснаго крыльца и обошелъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ высшихъ военныхъ чиновъ, весь путь, по которому должна была двигаться коронаціонная процессія въ Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, здороваясь съ отдѣльными частями войскъ, стоявшими вдоль этого пути. Съ этого времени стали входить въ Успенскій соборъ особы первыхъ двухъ классовъ обоего пола, не участвовавшія въ самомъ шествіи, а въ 8 ½ часовъ двинулась въ соборъ длинная блестящая процессія, состоявшая изъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ съ ихъ супругами.

Къ 9 часамъ окончилось въ Успенскомъ соборѣ молебствіе о здравіи Ихъ Императорскихъ Величествъ; изъ собора вышло духовенство въ золотыхъ ризахъ, имѣя во главѣ своей трехъ митрополитовъ, новгородскаго, кіевскаго и московскаго, и остановилось на паперти въ ожиданіи пришествія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ это время сталъ накрапывать небольшой дождь, вызвавшій среди публики опасеніе, что великолѣпная церемонія Высочайшаго шествія въ соборъ много потеряетъ въ своемъ блескѣ.

Но едва показались на Красномъ крыльцѣ церемоніймейстеры съ жезлами, камеръ-юнкеры, камергеры и другіе придворные чины, предшествовавшіе Наслѣднику Цесаревичу, какъ дождь началъ стихать, а когда появился, при оглушительныхъ крикахъ *ура*! самъ Цесаревичъ въ сопровожденіи Особъ Августѣйшей Фамиліи, иностранныхъ принцевъ и придворныхъ дамъ, дождь совершенно стихъ и небо стало проясняться.

— Наслѣдникъ Цесаревичъ и всѣ Высочайшія Особы, встрѣченные у дверей Успенскаго собора духовенствомъ со крестомъ и святою водой, вошли въ соборъ, и весь народъ замеръ въ ожиданіи появленія Императорской Четы.

Вотъ уже съ паперти Успенскаго собора сошелъ духовникъ Ея Величества въ сопровожденіи двухъ діаконовъ, несшихъ на золотомъ блюдѣ святую воду, и окропилъ оною весь путь торжественнаго шествія. Народъ набожно крестился. На небѣ ярко засіяло солнце.

Ровно 9 ½ часовъ на Красномъ крыльцѣ показался взводъ кавалергардовъ, открывавшихъ шествіе, за ними шли двадцать четыре пажа и столько же камеръ-пажей въ своихъ красивыхъ шитыхъ золотомъ мундирахъ и въ каскахъ съ густыми бѣлыми султанами. Тотчасъ же послѣ ихъ потянулась нескончаемая вереница представителей дворянствъ, земствъ, городовъ и разныхъ учрежденій. За ними появились оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, статсъ-секретари, министры и члены Государственнаго Совѣта. Затѣмъ были перенесены въ соборъ Императорскія регаліи, и наконецъ за взводомъ кавалергардовъ, при звукахъ всѣхъ оркестровъ военной музыки, игравшихъ *Боже, Царя храни* и при оглушительныхъ, несмолкаемыхъ восторженныхъ ликованіяхъ народа, на Красномъ крыльцѣ показались Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица. У нижней ступени Краснаго крыльца стоялъ великолѣпный балдахинъ, несомый шестнадцатью ге-

нералъ-адъютантами, тогда такъ другіе шестьнадцать генералъ-адъютантовъ держали шнуры балдахина. Ихъ Величества, сойдя съ Краснаго крыльца, ступили подъ балдахинъ и шествовали подъ нимъ, при возрастающихъ восторженныхъ крикахъ *ура* и торжественномъ колокольномъ звонѣ, къ паперти Успенскаго собора.

У южныхъ вратъ Успенскаго собора Царь и Царица были встрѣчены тремя митрополитами: московскимъ, новгородскимъ и кіевскимъ со Святою водой и кажденіемъ, причемъ высокопреосвященный Іоанникій обратился къ Государю со словомъ, напечатаннымъ въ № 21 Л. Е В.

Митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій подалъ Ихъ Величествамъ Крестъ къ цѣлованію, а митрополитъ кіевскій окропилъ Ихъ святою водой.

При пѣніи псалма *Милость и судъ воспою Тебѣ Господи*, Ихъ Величества вступили во храмъ и, троекратно преклонившись предъ царскими вратами и приложившись къ мѣстнымъ иконамъ, взошли на тронное мѣсто. Государь сѣлъ на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича, а Государыня на престолъ Царя Алексія Михайловича. По лѣвую сторону Государя находились Великіе Князья Владиміръ и Алексій Александровичи, по правую сторону Государыни Императрицы принцъ Вольдемаръ Датскій и Великій Князь Сергій Александровичъ. Впереди Государя возвышался покрытый парчею столъ съ положенными на него Императорскими регаліями, государственное знамя, которое держалъ князь Меньшиковъ, и государственный мечъ, который держалъ графъ Милютинъ. За Ихъ Величествами во все продолженіе богослуженія стоялъ съ обнаженнымъ палашемъ командиръ кавалергардскаго полка. По бокамъ на тронномъ мѣстѣ и его площадкахъ помѣщались указанные въ церемоніалѣ сановники. За золотою решеткой трона, по правой сторонѣ, находились Государь Наслѣдникъ, весь Царствующій Россійскій Домъ, иностранные принцы крови и принцессы, владѣтельный князь Черногорскій и князь Болгарскій и еще правѣе статсъ-дамы, фрейлины и особы женскаго пола первыхъ двухъ классовъ, съ лѣвой стороны— весь дипломатическій корпусъ. У задней стѣны собора вся эстрада была занята представителями дворянства, земства, городовъ, разныхъ учрежденій, и всѣми допущенными къ присутствованію при коронаціи лицами.

Колокольный звонъ прекратился. Митрополитъ новгородскій Исидоръ взошелъ на амвонъ троннаго мѣста и обратился къ Его Величеству со слѣдующею по уставу рѣчью:

„Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій! Понеже благоволеніемъ Божіимъ, и дѣйствіемъ Святаго и Всеосвящающаго Духа, и Вашимъ изволеніемъ имѣетъ нынѣ въ семъ первопрестольномъ храмѣ совершиться Императорское Вашего Величества Коронованіе и отъ Святаго мѵра помазаніе, того ради по обычаю древнихъ христіанскихъ монарховъ и Боговѣнчанныхъ Вашихъ предковъ, да соблаговолитъ Величество Ваше въ слухъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ исповѣдать православно-каѳолическую вѣру, како вѣруеши“.

Его Величество во всеуслышаніе прочелъ символъ вѣры. Голосъ Его звучалъ твердо и громко. При словахъ *„и въ Духа Святаго“* Государь поднялъ глаза къ Небу, благоговѣйно и медленно перекрестился; въ голосѣ послышалось умиленіе. Послѣ сего митрополитъ возгласилъ: „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ Тобою. Аминь“. Митрополитъ сошелъ съ амвона, а діаконъ, послѣ обычнаго начала, возгласилъ великую ектенію, въ которой въ прошеніи „о Благочестивѣйшемъ Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ“ Церковь молится; „О еже благословитися Его Царскому вѣнчанію благословеніемъ Царя Царствующихъ и Господа господствующихъ, о еже укрѣплену быти скипетру Его десницею Вышняго; о еже помазаніемъ всесвятаго мѵра пріяти Ему съ небесе къ правленію и правосудію силу и премудрость; о еже получити Ему благопоспѣшное во всемъ и долгоденственное царствованіе; яко да услышитъ Его Господь въ день печали и защититъ во имя Бога Іаковля; яко да послетъ Ему помощь отъ святаго, и отъ Сіона заступитъ Его; яко да подастъ Ему Господь по сердцу Его, и весь совѣтъ Его исполнитъ; яко да подчиненные суды его, не мздоимны и не лицепріятны сохранитъ; яко да Господь силъ всегда укрѣплялъ оружіе Его; о еже покорити подъ нозѣ Его всякаго врага и супостата и о еже благословитися Царскому вѣнчанію Его и Супругѣ Его Благочестивѣйшей Государыни Императрицы благословеніемъ Царя Царствующихъ и Господа господствующихъ“.

Предъ Апостоломъ прочтена была паремія изъ пророка Исаіи, гдѣ устами самого Господа возвѣщается избранному народу Изральскому обѣтованіе о постоянномъ попеченіи Божіемъ о немъ: забудетъ ли мать свое дѣтище? Но если и мать забудетъ „я не забуду тебя... Се на рукахъ Моихъ написахъ грады Твоя и предо Мною еси присно“. По прокимнѣ: „Господи силою Твоею возвеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло“, былъ читанъ Апостолъ, въ которомъ заключается христіанское ученіе о повиновеніи властямъ какъ поставленнымъ отъ Бога. Затѣмъ прочтено было Евангеліе, которое словами Самого Господа учитъ воздавать „Кесарева Кесареви“. Митрополиты поднесли Его Величеству порфиру, которую Онъ и вложилъ на Себя при ихъ содѣйствіи и содѣйствіи Ихъ Высочествъ Владиміра и Алексія Александровичей. Его Величество преклонилъ главу, а митрополитъ новгородскій возложилъ крестообразно на нее руки, во всеуслышаніе прочиталъ молитву, въ которой отъ лица всѣхъ просилъ Бога, дабы „благоволилъ поставити Императора надъ языкомъ Своимъ притяжаннымъ честною кровію Единороднаго Сына Своего, удостоилъ помазати Его елеемъ радованія, одѣть Его силою съ высоты, наложить на главу Его вѣнецъ отъ камене честна, даровать Ему долготу дней, дать въ десницу Его скипетръ спасенія, посадить Его на престолѣ правды, оградить Его всеоружіемъ Святаго Духа Своего, укрѣпись Его мышцу, смирить предъ Нимъ вся варварскія языки хотящія брани, всѣять въ сердце Его страхъ Божій и къ послушнымъ состраданіе, соблюсти Его въ непорочной вѣрѣ, показать Его хранителемъ догматовъ Святыя Своея каѳолическія церкви“. По прочтеніи этой молитвы митрополитъ новгородскій пригласилъ Государя подклонить выю вмѣстѣ со всею Церковію предъ Тѣмъ, Кто ввѣряетъ Ему Земное Царство, и вознесъ къ Богу молитву да „сохранитъ Царя подъ кровомъ Своимъ, укрѣпитъ Его Царство, удостоитъ Его всегда дѣлать благоугодное „Богу“.

Его Величество указалъ подать Ему корону. Принявъ ее изъ рукъ митрополита новгородскаго, Государь возложилъ ее на главу Свою при произнесеніи митрополитомъ словъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь“. Послѣ чего тотъ же митрополитъ сказалъ слѣдующую, по уставу, рѣчь Государю:

„Благочестивѣйшій Самодержавнѣйшій Великій Государь Императоръ Всероссійскій,—

„Видимое сіе и вещественное Главы Твоея украшеніе, явный образъ есть, яко Тебѣ Главу Всероссійскаго народа вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ, благословеніемъ Своимъ благостынным, утверждая Тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми Своими“.

Тогда Его Величеству поданы были въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую держава, при произнесеніи словъ митрополитомъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“.

Ea симъ первенствуюшій митрополитъ обратился къ Его Величеству съ новою по чину рѣчью:

„О, Богомъ Вѣнчанный и Богомъ дарованный и Богомъ преукрашенный, Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій! Прими скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго Тебѣ отъ Вышняго надъ людьми Своими Самодержавія къ управленію ихъ и къ устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія“.

Его Величество, возсѣвъ на престолѣ, призвалъ къ себѣ Свою Августѣйшую Супругу. Ставъ предъ Нимъ, Ея Величество преклонила колѣни. Государь, снявъ съ Себя корону, коснулся ею главы Государыни и снова затѣмъ возложилъ на Себя корону, а на главу Государыни возложилъ меньшую корону, и порфиру, при содѣйствіи приблизившихся статсъ-дамъ. По возложеніи регалій Ея Величество возвратилась на свой престолъ, а Государь Императоръ снова принялъ отложенный скипетръ и державу.

Діаконъ возгласилъ многолѣтіе съ полнымъ титуломъ Его Величества и многолѣтіе Государынѣ Императрицѣ. Возглашеніе многолѣтія сопровождалось звономъ во всѣ колокола и пальбой изъ орудій. Во время пѣнія многолѣтія, Ихъ Величествамъ принесены были поздравленія всѣми членами Царствующаго Дома и иностранными принцами.

По окончаніи пальбы и звона, а также и пѣнія „многая лѣта“, Государь, преклонивъ колѣна, вознесъ къ Царю царствующихъ слѣдующую молитву:

„Господи Боже отцевъ, и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ, и премудростію Твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ! Ты избралъ Мя еси Царя и судію людямъ твоимъ. Исповѣдую неислѣдимое Твое о мнѣ смотрѣніе, и благодаря, величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя въ дѣлѣ, на неже послалъ мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со мною присѣдящая престолу Твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да уразумѣю что есть угодно предъ очима Твоими, и что есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово; милостію и щедротами единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь“.

При чтеніи сей чудной молитвы на освѣщенномъ солнечными лучами лицѣ Государя лились слезы. Корона ярко блистала. Что испытывали всѣ, наполнявшіе храмъ Божій,—невыразимо.

Затѣмъ, всѣ находившіеся во храмѣ преклонили колѣни. Митрополитъ новгородскій, также колѣнопреклоненный, прочиталъ отъ лица всего народа молитву, въ которой просилъ Бога „умудрить Благочестивѣйшаго Государя непоползновенно проходить великое Его служеніе, во еже судити людемъ Его въ правду, быть для враговъ побѣдительнымъ и страшнымъ, для людей же державы Его отцемъ о чадахъ веселящимся.

Послѣ молитвы митрополитъ обратился къ Его Величеству со слѣдующею привѣтственною отъ себя рѣчью:

„Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный, Великій Государь Императоръ!

„Торжественно совершившееся Священное Вѣнчаніе Твое на прародительскомъ Престолѣ привѣтствуемъ какъ благодатный даръ свыше—отъ Отца свѣтовъ, вѣнчающаго Тя милостію и щедротами (Псал. 102, 4), славою и честію (Псал. 20, 6).

„Живъ Господь, изрекшій чрезъ пророка: „Возставлю пастыря овцамъ единаго, и упасетъ я,—раба Моего Давида, той упасетъ я и упокоитъ (Іезек. 34, 23).

„Въ лицѣ Твоемъ, Избранникъ Божій, зримъ того Царя по сердцу Божію, котораго Всевышній поставилъ надъ людьми Своими и облекъ видимыми знаками Высочайшей власти, чтобы врученные державѣ Твоей народы, подъ сѣнію скипетра Твоего, проводили тихое и безмолвное житіе во всякомъ благочестіи и честности, въ довольствѣ и радости, и чтобы возлюбленная Его Церковь, искупленная цѣною дражайшей крови Его, подъ Твоимъ покровительствомъ, охраняемая ото всѣхъ навѣтовъ вражіихъ, мудростію и силою Твоею восходила отъ силы въ силу и достигала въ мѣру возраста исполненія Христова (Ефес. 4, 13).

„Подвигъ великій для котораго, можно сказать, не довлѣютъ никакія силы человѣческія, никакая мудрость, никакая любовь, какъ бы онѣ велики ни были! Но когда Самъ Вышній, владѣющій царствомъ человѣческимъ, внушаетъ Избранному Своему: Довлѣетъ ти благодать Моя (2 Корин. 12, 9]. Предо Мною еси присно (Ис. 49, 16). Призови Мя въ день скорби твоея и изьму тя (Псал. 49, 15]: вѣруемъ и уповаемъ, что по царственной молитвѣ Твоей и соединенной съ нею молитвѣ всѣхъ вѣрный Твоихъ подданныхъ пошлетъ Тебѣ Господь обѣтованіе Отца Своего, и облечетъ Тя силою свыше (Лук. 24, 49).

„Тобою, Господи, Царіе царствуютъ (Притч. 8, 15). Твоею благодатію непоколебимъ Всероссійскій Престолъ. Твоею милостію крѣпка Россія.

„Слава Тебѣ Богу, Благодателю нашему во вѣки вѣковъ!“

Сказавъ это слово, митрополитъ возгласилъ: „Слава Тебѣ Богу, Благодателю нашему во вѣки вѣковъ.“ Хоръ пѣвчихъ пропѣлъ „Тебе Бога хвалимъ.“

Этимъ окончился чинъ Коронованія. Началась божественная литургія, во время которой Его Величество стоялъ безъ короны.

„Когда началось пѣніе киноника, отъ Императорскаго трона до Царскихъ вратъ постланъ былъ малиновый бархатъ, а близъ самыхъ Царскихъ вратъ до престола сверхъ бархата парча для шествованія Его Величества къ мѵропомазанію и причащенію. По окончаніи пѣнія киноника, отверзлись Царскія врата и изъ нихъ вышли два архіерея, одинъ изъ коихъ, преосвященный Павелъ, экзархъ Грузіи, возвѣстилъ Его Величеству о наступленіи времени Царскаго мѵропомазанія въ слѣдующихъ словахъ: „Благочестивѣйшій, Великій Государь нашъ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Вашего Императорскаго Величества мѵропомазанія и Св. Божественныхъ Таинъ пріобщенія приближися время, того ради да благоволитъ Ваше Императорское Величество шествовать сея великія соборныя церкве къ Царскимъ вратамъ“.

Приблизившись къ Царскимъ вратамъ, Государь сталъ около нихъ на золотой парчѣ, а Государыня остановилась между трономъ и ступенями солеи. Митрополитъ новгородскій, взявъ драгоцѣнный сосудъ со св. муромъ, помазалъ Его Императорское Величество на челѣ, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ и персяхъ и по обѣ стороны на рукахъ. Митрополитъ кіевскій отеръ мѣста помазанія.

Раздался звонъ колоколовъ и пальба орудій. Государь Императоръ сталъ противъ иконы Спасителя.

Къ Царскимъ вратамъ приступила Государыня, которая была помазана только на челѣ; мѣсто помазанія отеръ митрополитъ московскій, послѣ чего Ея Величество стала по лѣвую сторону Царскихъ вратъ.

Тогда первенствующій митрополитъ ввелъ Государя Императора чрезъ Царскія врата въ алтарь, гдѣ Его Величество преклонился предъ Св. трапезою, потомъ принялъ сначала часть Тѣла изъ рукъ митрополита, затѣмъ Крови Христовой, изъ чаши, которую держалъ митрополитъ.

Когда Государь Императоръ отошелъ къ иконѣ Спасителя, Ея Величество приступила къ Царскимъ вратамъ и приняла Св. Причастіе отъ митрополита новгородскаго обычнымъ чиномъ.

Когда Ихъ Величества возвратились на тронное мѣсто, духовникъ Ихъ Величествъ, протопресвитеръ Бажановъ прочелъ благодарственныя по причащеніи молитвы.

Протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Благовѣрному и Благочестивому, и Христолюбивому Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему, Богомъ вѣнчанному, превознесенному и Святымъ муромъ помазанному Александру Александровичу Императору и Самодержцу Всероссійскому и Супругѣ Его Благовѣрной и Благочестивой, вѣнчанной и превознесенной и Святымъ муромъ помазанной Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Пѣвчіе пропѣли трижды: многая лѣта. Приложившись ко Кресту, Государь Императоръ возложилъ на Себя корону, взялъ скипетръ и державу, и принимали поздравленіе, принесенное Ихъ Величествамъ духовными и свѣтскими особами съ совершеніемъ Коронованія и муропомазанія.

Затѣмъ Ихъ Величества, въ царственномъ облаченіи, подошли къ сѣвернымъ дверямъ. Тогда земля кругомъ задрожала отъ взрыва народнаго чувства; ударили по всей Москвѣ въ колокола, заиграла музыка, и загрохотали пушки. Это было въ исходѣ перваго часа дня. Въ ослѣпительно сіявшей подъ яркими лучами солнца коронѣ, въ порфирѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ вышелъ Государь. За нимъ подъ серединою балдахина шествовала Государыня Императрица также въ блистательной коронѣ и порфирѣ.

На паперти Архангельскаго собора Ихъ Величества были встрѣчены преосвященнымъ епископомъ Владимірскимъ съ духовенствомъ, со Крестомъ и святою водой. Вступивъ въ соборъ въ сѣверныя двери, Ихъ Величества приложились ко святымъ иконамъ и затѣмъ вышли въ западныя двери, куда тѣмъ временемъ былъ перенесенъ балдахинъ. Отсюда Ихъ Величества направились въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ Ихъ встрѣтилъ преосвященный Ярославскій. Изъ Благовѣщенскаго собора Ихъ Величества прослѣдовали на Красное крыльцо и, взойдя на оное, поклонились народу. Народъ отвѣтилъ ликуя о Царѣ.

Едва Ихъ Величества изволили войти въ Кремлевскій дворецъ, какъ снова начался сильный дождь. Народъ былъ пораженъ тѣмъ благимъ знаменіемъ, что всякій разъ какъ появлялся Царь въ Кремлѣ, при торжественномъ въѣздѣ 10 мая, при шествіи въ Успенскій соборъ и при возвращеніи оттуда, яркое солнце пробивалось сквозь темныя тучи и своимъ сіяніемъ какъ бы благословляю путь Царя. Долго стоялъ еще народъ по окончаніи церемоніи и толковалъ объ этомъ „чудесномъ явленіи".

16-го мая, когда представлялись Ихъ Величествамъ для принесенія поздравленія высшіе представители православнаго духовенства, высокопреосвященный Платонъ обратился къ Вѣнценосному Помазаннику съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Благочестивѣйшій, Богомъ Вѣнчанный, Великій Государь Императоръ! Псалмопѣвецъ Давидъ въ одной изъ вдохновенныхъ своихъ пѣсней взываетъ: „Сынове Сіона возрадуются о Царѣ Своемъ" (Псал. CXLIX, 2). Внимая сему священному призыву къ радости и слѣдуя влеченію сердецъ нашихъ, мы, сыны Новаго Сіона, православной Россіи, отъ души радуемся нынѣ о Царѣ Своемъ, о Тебѣ, Возлюбленный Монархъ нашъ, и просимъ дозволенія выразить предъ Тобою причины нашей радости.

„Мы радуемся нынѣ тому, что видимъ въ Тебѣ Царя по сердцу нашему: Царя кроткаго и милостиваго, прамодушнаго и благочестивѣйшаго, какъ это показываютъ безукоризненная жизнь, преданность волѣ Божіей и добрыя дѣла Твои.

„Мы радуемся потому, что Ты сдѣлался Царемъ нашимъ не только по закону Царскаго Престолонаслѣдія, но и по особому дѣйствію Промысла Божія, которое видно изъ того, что по закону престолонаслѣдія надлежало быть Царемъ въ Россіи первородному Брату Твоему, бывшему до Тебя Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола, но Богъ, Который, по выраженію Премудраго—содержитъ въ рукѣ Своей власть земли и потребнаго воздвигаетъ во время на ней (Сир. Г, 4), судилъ иначе: Онъ призвалъ сего Брата Твоего въ свои горнія обители и чрезъ это законно открылъ Тебѣ путь къ Русскому Престолу; значитъ, Онъ хотѣлъ, чтобы Ты былъ Царемъ Россіи, и призналъ Тебя—потребнымъ—для ней въ настоящее время.

„Мы радуемся и тому, что вчера благополучно совершилось Священнѣйшее Коронованіе Твое, ибо это показываетъ, что оно угодно Господу и Богъ невидимо содѣйствовалъ совершенію его; въ противномъ же случаѣ оно, при всемъ нашемъ желаніи, не могло бы совершиться, потому что люди, по свидѣтельству Богопросвѣщенныхъ мужей, ничего не могутъ сдѣлать добраго безъ воли и помощи Божіей (Фил. II, 13, Псал. CXVI 3).

„Мы радуемся и тому, что въ таинствѣ Муропомазанія, совершенномъ при Коронованіи Твоемъ, Духъ Божій невидимо сошелъ на Тебя и будетъ носиться надъ Тобой, какъ нѣкогда носился надъ израильскимъ царемъ Давидомъ (1 Цар. XVI, 1—13, XVIII, 12, 14). Значитъ, Ты вошелъ въ ближайшее общеніе съ Богомъ и находишься подъ особымъ покровомъ Господа Силъ,—Который—по слову Пророка—будетъ охранять вхожденіе и исхожденіе Твое отнынѣ и до вѣка. Если же Богъ за насъ, кто противъ насъ (Псал. CXX, 4—8; XIII, 51).

„Наконецъ, мы радуемся нынѣ еще потому, что Духъ Божій, сошедшій на Тебя въ Св. Муропомазаніи, таинственно сообщилъ Тебѣ, по ученію нашей Церкви, различные дары Свои, потребные для Твоего великаго служенія, дабы Ты, при помощи благодатной силы Божіей, которая, по выраженію Апостола, совершается въ немощи нашей, могъ над-

лежаще исполнить трудныя Царскія обязанности ко благу Россіи. Изъ сего видно, что Господь печется не только о Тебѣ, Государь, но и о насъ, вѣрноподданныхъ Твоихъ, желаетъ устроить чрезъ Тебя благоденствіе нашего Отечества.

„Имѣя столько причинъ къ радости въ настоящее время, мы, Возлюбленный Монархъ, радостнѣйше привѣтствуемъ Тебя, отъ лица православной Церкви и духовенства ея, съ Священнымъ Вѣнчаніемъ Твоимъ на Царство, а купно поздравляемъ съ симъ вожделѣннымъ событіемъ и Благочестивѣйшую Супругу Твою, Которую Ты благоволилъ сдѣлать Причастницею совершеннаго надъ Тобою священнодѣйствія. При этомъ мы отъ души молимъ и не престанемъ молить Господа, да хранитъ Онъ Тебя и Вѣнценосную Супругу Твою въ совершенномъ здравіи и благоденствіи неисчетные годы и благословляетъ всѣ дѣла и начинанія Твои желаннымъ успѣхомъ, а за добрые подвиги Твои въ пользу Христовой Церкви и нашего Отечества даруетъ Тебѣ неувѣдаемый вѣнецъ славы, не земной только, но и небесной. Господи, спаси Царя, а Ты, Царь православный, уповай на Господа и мужественно неси Крестъ, возложенный Имъ на Тебя съ Царскимъ достоинствомъ: Ты не одинъ, съ Тобою Богъ и Россія".

Слова кантаты, исполнявшейся при коронаціонномъ обѣдѣ 15-го мая, въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ Москвѣ (Соч. А. Н. Майкова, музыка г. Чайковскаго).

МОСКВА.

Съ мала ключика студена потекла рѣка,
Съ невелика зачиналась каменна Москва.
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,
Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.
Гой, не туча въ синемъ небѣ растилается:
Злы Татары, валъ за валомъ, по Руси валятъ...
Не видать въ дыму красна солнышка;
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли;
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ полоны...
Полонянники идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?"
—„Я изъ Кіева—изъ Чернигова—
Я изъ Суздаля—изъ Владиміра—
Ты прости навѣкъ, милъ родимый градъ!"
Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?...
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни глянь кругомъ—темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная...

* * *

То не звѣздочка
Зазвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ;
То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;
Зажигалъ ее
Тамъ Святитель Петръ
Да Московскій Князь...
Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;
Одобрилися,
На нее глядятъ,
Богу молятся...
А она горитъ,
Разгоряется,
Свѣтитъ всей Руси;
А Московскій Князь
Возвышается,
Думу думаетъ...
Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

* * *

Часъ ударилъ жданный радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія
Золота-Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула!
Пронеслися тучи черныя,
Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки;
А въ палатѣ узорочатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій Князь,
Самодержецъ всея Русіи,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

* * *

Ужъ какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
Богатырь въѣзжалъ въ поле чистое,
Въ поле чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему бъ, да потѣшиться,
Силой-удалью похвалитися...
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
Увидали его люди Божіи
Ото всей страны, отъ восточныя,
И взмолилися, громко плачутся:
„Одолѣли насъ силы темныя!
Церкви Божьи у насъ всѣ поруганы,
Наши царства всѣ ниспровергнуты,
Царство Сербское, и Иверское
И Болгарское, и великъ-престолъ
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ
Что звѣзда взошла виѳлеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!
Возлюбилъ тебя и избралъ Господь—
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ,
И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ,
Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ,
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правыя быть поборникомъ!
О Москвѣ жь твоей се пророчество:
„Пали два Рима—Третій стоитъ—
А четвертому не быть".

* * *

Мнѣ ли, Господи,
Мнѣ ль по силамъ Ты
Тяжкій крестъ даешь!
Недостоинъ есмь
Твоея любви!
Развѣ Ты мнѣ дашь
Силу крѣпкую...
Умудришь меня
Своей мудростью...
Я какъ вѣрный рабъ
Предаюсь Тебѣ,
И готовъ въ огонь
И во всяку скорбь,
Ибо дорогъ мнѣ
Не земной почетъ,
А Христовъ вѣнецъ.

* * *

По Руси пошелъ стукъ и громъ большой,
Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
Броню крѣпкую—не себѣ одной,
А что есть людей межъ пяти морей.
Чтобы жить имъ всѣмъ за одну семью,

За одну семью, подъ однимъ Вождемъ,
Правды Божеской только ищучи,
И для ближняго не жалѣючи
Во спасеніе сложить голову,
Ибо выше нѣтъ, какъ сія любовь...
Ради славы той потрудилися
Всѣ Цари ея благовѣрные,
И всѣ Предки Твои, Царь возлюбленный,
Днесь на Царствіе намъ помазанный,
Добродѣтельми изукрашенный,
Божьей Милостью намъ дарованный!

* *
*

И гряди-жь въ ихъ путь, Православный Царь!
Да великимъ Твоимъ царскимъ дѣланьемъ
И смиреньемъ Твоимъ передъ Господомъ,
О Тебѣ сердца Твоихъ подданныхъ
Да возрадуются!
И пройдетъ Твоя далеко въ людяхъ—Слава!

* *
*

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ—слава!
Государынѣ Супругѣ Его—слава!
Государю Наслѣдничку Его—слава!
Всему Царскому Дому Его—слава!
И всему народу Его—слава!
Его вѣрнымъ слугамъ—слава!
Именитымъ гостямъ Его—слава!
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла—слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ—слава!
Старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ людямъ на услышанье—слава!
Слава во вѣки вѣковъ—слава.

А. Майковъ.

---

15 мая. Телеграмма корреспондента Правит. Вѣстн.

Обѣдъ Ихъ Величествъ въ день Священнаго Коронованія представляетъ одно изъ выдающихся торжествъ въ Москвѣ.

Главное въ этомъ торжествѣ—то, что Государь Императоръ и Государыня Императрица имѣли трапезу на тѣхъ же Тронахъ, на коихъ Они возсѣдали въ Успенскомъ соборѣ, и въ тѣхъ же Порфирахъ, въ которыхъ они стояли въ храмѣ. Самая обстановка этой Царственной трапезы составляла нѣчто выдающееся: за нею не имѣли своей части ни Наслѣдникъ Цесаревичъ, ни Братья Государя Императора, ни другіе Члены Августѣйшаго Дома. Старшіе изъ Братьевъ Государя Императора: Великіе Князья Владиміръ, Алексѣй и Сергѣй Александровичи и Принцъ Вальдемаръ Датскій были только ассистентами при столѣ Ихъ Величествъ; высокіе сановники, какъ-то: верховный маршалъ, верховный церемоніймейстеръ, оберъ-гофмаршалъ и другіе служили у стола Царя и Царицы. Вотъ отчего имѣли особое значеніе и всѣ подробности этой трапезы, вотъ отчего всѣ рвались ее видѣть.

Государь Императоръ и Государыня Императрица, со всѣми аттрибутами Своей власти, вступили въ палату въ три часа пополудни. Его Величество сложилъ съ себя Корону и отдалъ Скипетръ и Державу, которые были возложены на особый столъ, у котораго стали сановники. Когда въ предшествіи верховнаго маршала, оберъ-гофмаршала, верховнаго церемоніймейстера, въ сопровожденіи другихъ лицъ, было внесено первое блюдо и московскимъ іерархомъ была благословлена трапеза, Ихъ Величества возсѣли на Свои Троны.

Тронное мѣсто Ихъ Величествъ представляло обширную сѣнь изъ чернаго дуба, своимъ цвѣтомъ и отчасти видомъ напоминающее тронъ Мономаха. Сочетаніе золотыхъ драпри съ горностаемъ и задняя стѣна, на коей по бѣлому полю вышитъ Государственный гербъ новаго уклада, придавали величественный видъ всему тронному мѣсту, а задернутыя малиновыя занавѣски ближнихъ оконъ падавшему на этотъ Царскій чертогъ свѣту необыкновенно мягкій, пріятный тонъ. Стѣнопись палаты, съ картинами священной исторіи и изображеніемъ Русскихъ Государей, съ ея богато и прихотливо вышитымъ московскими инокинями ковромъ, составляли гармонировавшую Царскимъ Порфирамъ обстановку.

Въ это время раздавались прекрасные звуки кантаты Чайковскаго и поэтическія слова кантаты А. Н. Майкова.

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ—слава!
Государынѣ Супругѣ Его слава!

Предъ Царскимъ приходомъ, всѣ говорили объ убранствѣ палаты золотомъ и серебромъ, представлявшемся въ видѣ исполинскихъ стопъ, яндовъ и кубковъ, орловъ, верблюдовъ глобусовъ и кораблей, говорили, какъ о прекрасномъ предзнаменованіи, о впорхнувшихъ въ открытое окно двухъ голубяхъ, залетѣвшихъ на самый Тронъ, говорили и о стопѣ, изъ которой будетъ пить Государь и на которой надписи: «Да піетъ здравъ въ лѣто 7088». Но лишь вошелъ Государь, всѣ взоры обратились на Него.

Телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстаго.

Москва, 21 мая, 10 ч. 15 м. вечера. Сегодня, въ три часа пополудни, данъ былъ въ устроенныхъ на дворѣ Петровскаго Дворца палаткахъ, указанный Высочайше утвержденнымъ росписаніемъ празднествъ, обѣдъ волостнымъ старшинамъ и гминнымъ войтамъ. Предъ началомъ обѣда Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ обратиться къ старшинамъ, съ слѣдующими словами:

„Я очень радъ еще разъ видѣть васъ; душевно благодарю за ваше сердечное участіе въ торжествахъ Нашихъ, къ которымъ такъ горячо отнеслась вся Россія. Когда вы разъѣдетесь по домамъ, передайте всѣмъ Мое сердечное спасибо; слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному. Эти слухи распускаются Нашими врагами. Всякая собственность, точно также какъ и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья“.

Затѣмъ Его Величеству благоугодно было сказать, собравшимся здѣсь же губернскимъ предводителямъ дворянства:

„Благодарю васъ за вѣрность! Я всегда былъ увѣренъ въ искреннихъ чувствахъ дворянства, и твердо надѣюсь, что оно какъ было, такъ и будетъ опорою во всемъ хорошемъ, для пользы Престола и отечества. Дай Богъ намъ жить мирно и тихо; благодарю васъ отъ души“.

— **Москва**, 23-го мая, 9 час. вечера. Вчера волостные старшины отъ всѣхъ губерній, въ числѣ 619 человѣкъ, прибывшіе сюда по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, прощались съ Москвою. Всѣ они, проживая въ одномъ помѣщеніи, въ Лефортовской слободѣ, собрались въ Большомъ саду къ слушанію напутственнаго молебна. Минута была чрезвычайно трогательна, когда голоса всѣхъ колѣнопреклоненныхъ старшинъ слились съ пѣніемъ клира: «Спаси, Господи, люди Твоя». Послѣ провозглашенія многолѣтія Ихъ Императорскихъ Величествъ, староста Исаакіевскаго собора подарилъ на память каждому изъ старшинъ картину, изображающую Ихъ Величества въ коронахъ, и сказалъ весьма задушевную и внушительную рѣчь. Эта рѣчь прерывалась самымъ неподдѣльнымъ одобреніемъ и заглушалась громкими восклицаніями: «Понимаемъ, все поняли»; «будемъ держать во всемъ порядокъ»; «будемъ радовать нашего Ангела Царя»; «будемъ трудиться для спокойствія нашихъ семей». Тутъ же они стали разсказывать о

своихъ впечатлѣніяхъ по поводу торжествъ Коронаціи, о всемъ видѣнномъ въ Москвѣ, а также хвалились, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сердечно заботился о нихъ, и даже отвѣдывалъ пищу, приготовляемую для нихъ въ продолженіи трехъ недѣль. Затѣмъ всѣ старшины отправились въ храмъ Спасителя, гдѣ въ присутствіи директора департамента общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ живымъ интересомъ осматривали достопримѣчательности храма. Сегодня старшины уѣзжаютъ по домамъ.

СЛОВО

въ день рожденія Благовѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича.

(6-го мая—память св. праведнаго Іова многострадальнаго).

Сегодня, братіе, св. православная церковь наша, между прочимъ, совершаетъ память одного изъ величайшихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшаго изъ страдальцевъ, человѣка, равнаго которому по святости и праведности, по свидѣтельству самаго Бога, въ то время не бѣ отъ сущихъ на земли, и въ то же время безпримѣрнаго страдальца, дошедшаго до проклятія дня рожденія своего—Іова многострадальнаго. Съ именемъ Іова естественно связывается представленіе о бѣдахъ и скорбяхъ, несчастіяхъ и горѣ жизни человѣческой. Великій праведникъ, *око слѣпыхъ*, *нога хромыхъ*, Іовъ подверся такому сильному страданію, такимъ невыносимымъ бѣдствіямъ, что и изобразить ихъ трудно. Что же, послѣ этого жизнь наша, невольно иногда приходитъ въ голову при наблюденіи подобныхъ фактовъ? А такихъ фактовъ—множество, ими переполнена наша единичная и общественная, семейная и государственная жизнь. Да, братіе, многочисленны и разнообразны, неизобразимы и не описуемы бѣды и скорби человѣческой жизни; нѣтъ званія и состоянія, нѣтъ положенія застрахованныхъ отъ отравленія ими: тамъ недостатки матеріальные, болѣзни, горькія разочарованія; здѣсь обманутыя надежды, недостигнутыя цѣли; отъ малѣйшихъ причинъ разрушаемое счастіе, напряженный трудъ и ничтожные плоды; а тамъ—притѣсненія, грабежъ и насиліе, убійства и самоубійства: всюду горе, всюду слезы!... При видѣ столь безотрадной картины человѣческой жизни, мысль наша цѣпенѣетъ, вопросъ, что такое жизнь,—назойливо и неотступно требуетъ отвѣта, и человѣкъ, подавленный мрачнымъ фономъ картины жизни, готовъ бываетъ и въ самомъ дѣлѣ признать, что жизнь есть „пустая и глупая шутка“, что она безцѣльна и пуста, жалка и презрѣнна. А если такъ, то притупленіе въ себѣ чувства жизни, умерщвленіе всякаго интереса и стремленія къ ней, а въ случаѣ тяжкихъ жизненныхъ обстоятельствъ и насильственное добровольное прекращеніе ея—не есть ли самая разумная и законная форма отношенія къ ней, и самоубійцы, обыкновенно осуждаемые св. церковію и общественнымъ мнѣніемъ, не являютъ ли изъ себя истинныхъ философовъ, оцѣнившихъ ее по достоинству и съумѣвшихъ справиться съ нею въ минуту трудную, годину тяжкую? Такъ дѣйствительно и разсуждаютъ люди, такъ называемаго пессимистическаго или мрачнаго, къ несчастію нынѣ моднаго, взгляда на міръ вообще и жизнь человѣческую вчастности.

Жизнь, говорятъ такіе люди,—одно зло и несчастіе, въ ней нѣтъ полной гармоніи, совершеннаго счастія, въ ней, напротивъ разладъ, дисгармонія, борьба, страданіе. Общее всему міру, зло особенно усиливается въ человѣкѣ, такъ какъ онъ—существо самосознающее; оттого человѣкъ самое несчастнѣйшее существо въ мірѣ; онъ сознаетъ всю злобу своего положенія и оттого мучится вдвойнѣ. Но справедливъ ли такой взглядъ на жизнь человѣческую, въ самомъ ли дѣлѣ она есть одно зло и несчастіе? Нѣтъ, братіе, мы не колеблясь скажемъ, что взглядъ этотъ не имѣетъ правъ на законное существованіе: онъ отвергается здравымъ смысломъ, его не признаютъ люди правильно развитые, люди науки и св. вѣры; нѣтъ,—въ жизни есть и радости, въ жизни есть и довольство. Не предубѣжденное наблюденіе надъ жизнію и ея явленіями ясно свидѣтельствуетъ, что она слагается не съ однихъ гибельныхъ для всего живущаго и чувствующаго явленій. Жизнь—это смѣсь добра и зла, худого и хорошаго, радостнаго и печальнаго. Такъ, есть въ жизни матеріальный недостатокъ, но есть и довольство, есть тяжкія болѣзни, но есть и цвѣтущее здоровье, недостигаются подчасъ цѣли и намѣренія, но это только подчасъ. Допускаютъ одни насиліе, обиды, притѣсненія, покушаются на чужое добро, посягаютъ на жизнь ближняго, но другіе поступаютъ во всемъ по совѣсти и по закону Божію. Открываются времена браней, но бываютъ и времена мира и тишины; настаютъ въ природѣ времена разрушительныхъ явленій, но и успокоивается она, снова вступаетъ въ свой обычный чинъ. Есть у насъ и радости продолжительныя, есть и счастіе неразрушимое: миръ съ Богомъ и людьми, чистая спокойная совѣсть, сознаніе честно выполненнаго долга, благовременный совѣтъ, помощь нуждающемуся—это такія радости, это такое счастіе, предъ которыми блѣднѣютъ и меркнутъ всѣ, самыя тяжкія скорби и лишенія матеріальныя! Что жизнь не есть одно зло, что въ ней наряду съ явленіями скорбными и печальными существуютъ свѣтлыя и радостныя, это очевиднѣе всего доказывается чувствомъ любви и привязанности къ ней, свойственнымъ всякому, не совсѣмъ еще испорченному нравственно человѣку. Для человѣка, душевно не изуродованнаго, жизнь дорога и мила—дорога сама по себѣ, именно, какъ жизнь. Чувство жизни, потокомъ льющееся на меня изъ природы, разнообразныя впечатлѣнія, ощущеніе въ себѣ физическихъ и духовныхъ силъ, сознаніе, что и я членъ этого міроваго цѣлаго, что и я могу принимать участіе въ міровой жизни—все это производитъ во мнѣ сладостнѣйшее ощущеніе бытія, невыразимой прелести жизни. Чувство жизни такъ живо и дѣйственно въ человѣкѣ, что оно не ослабляется ни годами, ни болѣзнями, ни тяжкими ударами судьбы. И дряхлый старикъ, и тотъ желаетъ еще жить, и онъ хочетъ хоть сколько нибудь продлить свою жизнь. И удрученный самыми тяжкими обстоятельствами, если только онъ развивается правильно и живетъ согласно со внушеніями разума и св. вѣры, и онъ не падаетъ духомъ, продолжаетъ бороться съ судьбой, надѣясь, что участь его улучшится... это почему? Онъ жить хочетъ, ему жизнь дорога и мила!

Пусть не указываютъ намъ противники наши на самоубійства, какъ на доказательство своей мысли; самоубійства вовсе не доказываютъ того, что жизнь вообще недорога для человѣчества. Самоубійства—жалкія и прискорбныя явленія, это болѣзненныя уклоненія отъ обыкновеннаго порядка вещей, это—исключенія, доказывающія, а не отвергающія высказанное нами положеніе. Печальныя, хотя и распространенныя нынѣ явленія самоубійства, подготовляются многими обстоятельствами, зависятъ отъ многихъ причинъ, тутъ и недостатокъ правильнаго развитія и вос-

питанія человѣка, и отсутствіе въ немъ истинныхъ понятій о Богѣ, о высокомъ достоинствѣ природы человѣческой, о безсмертіи души и будущей жизни, отсутствіе живой вѣры въ Бога-Промыслителя; тутъ—и недостатокъ привычки къ труду, довольству тѣмъ положеніемъ, въ которое поставленъ человѣкъ; тутъ дѣйствуетъ также нравственная распущенность, боязнь испытать лишенія и матеріальные недостатки, подвергнуться страданію; тутъ, наконецъ, и ложный стыдъ, ложное понятіе о чести и слабость характера. Являясь, такимъ образомъ, результатомъ цѣлаго ряда причинъ и условій ненормальныхъ, самоубійство, какъ мы уже и сказали, во все не свидѣтельсвуютъ противъ того, что чувство жизни вообще дорого человѣку. Итакъ, братіе, безпристрастное наблюденіе надъ явленіями жизни, существованіе въ человѣчествѣ чувства любви къ ней убѣждаютъ насъ въ томъ, что жизнь не есть одно зло, явленія самоубійства не отрицаютъ этого положенія.

Но къ этимъ, такъ сказать, естественнымъ доказательствамъ прибавимъ еще и откровенное. По ученію откровенія, всемогущій и всеблаженный Богъ существовалъ отъ вѣка, ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаясь. Какъ полнота бытія и жизни, Онъ могъ бы существовать безъ міра вѣчно, но какъ полнота благости и любви, онъ восхотѣлъ возвать изъ небытія къ бытію и другія существа, и сдѣлать ихъ участниками бытія и блаженства. Такимъ образомъ жизнь вообще, и жизнь человѣческая въ частности есть даръ любви и благости Божіей, и какъ таковой, она не можетъ быть и на самомъ дѣлѣ не есть зло сама въ себѣ. Она—величайшій даръ, дрожайшее наслѣдіе, полученное нами отъ Его щедротъ, она счастіе сама въ себѣ. Что касается вопроса, почему жизнь наша, будучи даромъ всеблагаго Бога, будучи счастіемъ сама въ себѣ, въ настоящемъ ея состояніи является съ примѣсью, а часто и съ преобладаніемъ въ ней зла, то онъ также вполнѣ ясно и удовлетворительно рѣшается Откровеніемъ Божественнымъ. По изображенію откровенія, міръ Божій и все, что въ немъ, создано добрымъ, гармоничнымъ, цѣлесообразнымъ; все въ немъ было довлѣющимъ, все отвѣчало своему назначенію, все стремилось къ указанной ему цѣли; но человѣкъ, злоупотребивъ своею свобою, растроилъ эту міровую гармонію, онъ сталъ во враждебное отношеніе къ своему Творцу и благодѣтелю;—явилось такимъ образомъ зло нравственное, которое и есть только зло въ собственномъ смыслѣ. Какъ естественное послѣдствіе зла нравственнаго, явилось на землѣ и зло физическое,—болѣзни и страданія чувствующихъ тварей, сама природа подверглась суетѣ и страдаетъ и болѣзнуетъ съ нами до нынѣ;—міръ Божій изъ рая обратился въ юдоль бѣдствій и слезъ. Итакъ, въ самомъ человѣкѣ, въ его грѣховности и растлѣніи—причина зла физическаго, того проклятія и суеты, которымъ подвергся самъ онъ, подчинилъ и всю природу; въ немъ же, въ его борьбѣ со зломъ нравственнымъ, въ постепенной побѣдѣ надъ нимъ—и основаніе для обратнаго явленія. Борясь со зломъ нравственнымъ, и при помощи благодатныхъ силъ, обильно дарованныхъ намъ во Христѣ и христіанствѣ, постепенно побѣждая его въ себѣ, человѣкъ естественно будетъ побѣждать и бѣдствія физическія, какъ необходимыя слѣдствія зла нравственнаго, и такимъ образомъ постепенно низводить миръ и покой, счастіе и довольство на оскверненную грѣхомъ его землю.

Жизнь, говорятъ люди пессимистическаго направленія, есть постоянный круговоротъ, непрерывная смѣна явленій, нескончаемое повтореніе одного и того же. Рожденіе и смерть, добродѣтель и порокъ, счастіе и несчастіе, надежда и отчаяніе—все это видѣли прежніе вѣка, все это переживаемъ и мы теперь. Самые народы и царства то появляются, то исчезаютъ безслѣдно и притомъ исчезаютъ часто. Но справедливо ли это, братіе? Правда, повтореніе въ жизни есть, но только въ общемъ; повторяются только общія формы міровой жизни, но недѣлимыя, особи въ мірѣ физическомъ, личности въ царствѣ разумности и свободы до безконечности разнообразны, до неистощимости разновидны. Каждое недѣлимое есть именно это недѣлимое, каждое недѣлчмое имѣетъ свойства и качества ему одному свойственныя; каждый человѣкъ, какъ личность, есть именно этотъ человѣкъ—другого подобнаго ему нѣтъ во всемъ мірѣ. Есть въ предметахъ природы черты, которыхъ и проницательный умъ подмѣтить не можетъ, есть въ душѣ каждаго изъ насъ такія глубокія движенія, такіе сокровенные изгибы, которыхъ не въ состояніи уловить и самый глубокій психологъ. Вотъ какое разнообразіе въ мірѣ Божіемъ, вотъ какое неистощимое богатство созданій Творца, высочайшаго художника! Нѣтъ, братіе, не одно повтореніе и однообразіе въ мірѣ Божіемъ, въ немъ всюду жизнь кипитъ вѣчно-новая, вѣчноюная. Міръ—это откровеніе неизмѣримаго величія и славы Творца,—это благоустроенный, величественный храмъ живаго Бога, жрецомъ и первосвященникомъ котораго поставленъ человѣкъ!

Являясь постояннымъ круговоротомъ, непрерывною смѣной явленій, жизнь, говорятъ пессимисты, не имѣетъ и разумной цѣли. Но если міръ вообще, какъ мы видѣли, есть величественный храмъ живаго Бога, если онъ есть отобразъ Его безконечныхъ совершенствъ, то цѣль міра—это прославленіе совершенствъ Творца своего. Непрестанно славимый въ селеніяхъ горнихъ свѣтоносными духами, Господь Богъ славится и на землѣ дѣлами рукъ своихъ: небеса проповѣдуютъ славу Его, о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь, Его хвалитъ солнце, Его славитъ луна, ему поетъ пѣснь земля и все живущее на ней. Но еще выше достоинство и цѣль земной жизни человѣка. Какъ жрецъ природы, какъ ея смыслъ и разумъ, онъ призванъ господствовать, владычествовать надъ природой, посредствовать между ней и Богомъ, осмыслять ее. Распостранять на землѣ культуру, улучшать природу, развивать свои физическія и духовныя силы, пріобрѣтать познанія о всемъ существующемъ, усовершаться во всемъ нравственно-добромъ, возводить свой духовный взоръ къ Творцу и Владыкѣ міра, познавать Его, прославлять и такою жизнью и дѣятельностью приготовлять себя къ другой, высшей жизни на небѣ, въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ—источникомъ всякаго блага—вотъ цѣль земнаго существованія человѣка. Вотъ для чего мы живемъ здѣсь на землѣ, трудимся, подчасъ мучимся и страдаемъ! Какъ видите, братіе,—цѣль высочайшая, вполнѣ достойная Бога—существа совершеннѣйшаго, и человѣка, Его образа и подобія.

Итакъ пессимизмъ или мрачный взглядъ на жизнь и ея явленія не можетъ быть признанъ взглядомъ нормальнымъ; люди умственно и нравственно неиспорченные, живущіе согласно съ требованіями здраваго смысла и св. вѣры никогда не станутъ раздѣлять его: жизнь для нихъ—неоцѣненное сокровище, величайшій даръ Божій; въ глазахъ такихъ людей она имѣетъ и глубокій смыслъ и высочайшую цѣль.

Мы сочли умѣстнымъ побесѣдовать съ вами, братіе, именно объ этомъ не только потому, что воспоминаніе объ Іовѣ многострадальномъ навело насъ на эти мысли, и не

потому только, что мрачный пессимистическій взглядъ на жизнь замѣтно распростаняется въ обществѣ, научно оправдывается нѣкоторыми мыслителями и, какъ своими естественными плодами, свидѣтельствуется многочисленными самоубійствами, но еще и потому, что правильный, здравый христіанскій взглядъ на жизнь безусловно необходимъ для того, чтобы быть намъ добрыми гражданами, честными общественными дѣятелями, вѣрными слугами Царя и отечества!

Возблагодаримъ же, братіе, Господа Бога—Источника и Подателя жизни нашей, возлюбимъ и саму жизнь, какъ высочайшій даръ щедротъ Его; станемъ пользоваться ею и употреблять ее согласно предназначенію Творца ея; и—она не будетъ казаться намъ мрачною и безотрадною здѣсь,—составитъ неизреченное благо особенно тамъ—въ невечернемъ дни Царствія Божія. Аминь.

Священникъ *Александръ Гуляницкій.*

СЛОВО

въ день священнаго вѣнчанія и миропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича и Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны.

Во всѣхъ храмахъ на необъятныхъ пространствахъ земли русской слышится одинъ общій молитвенный гимнъ къ Богу о дарованіи нашему Благочестивѣйшему Государю высшихъ небесныхъ силъ для достойнаго прохожденія того высокаго служенія, къ которому Онъ предназначенъ свыше. Царь, какъ посредникъ и представитель на землѣ промышленія Божія о благѣ народа, самыми тѣсными неразрывными узами связанъ съ тѣмъ политическимъ тѣломъ, которое называется государствомъ. Попеченію и руководительству Его ввѣряется Богомъ благо и счастіе многихъ милліоновъ. Въ немъ, какъ въ центрѣ, сосредоточиваются всѣ нити государственнаго управленія. Выборъ достойныхъ помощниковъ, направленіе ихъ дѣятельности къ извѣстной разумной цѣли, окончательное рѣшеніе всѣхъ насущныхъ вопросовъ государственной жизни, наконецъ, высшая отвѣтственность предъ Богомъ,—все это тяжелое бремя лежитъ на немъ одномъ. Если въ той ограниченной тѣсной сферѣ дѣятельности, которая Промысломъ указана для каждаго изъ насъ такъ бываетъ трудно при добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, что мы нерѣдко чувствуемъ слабость своихъ силъ, то тѣмъ болѣе тяжела обязанность того, кто призванъ къ такому широкому поприщу дѣятельности! И вотъ по молитвамъ церкви въ священномъ вѣнчаніи и таинствѣ миропомазанія сообщаются нашему Благочестивѣйшему Государю для его чрезвычайнаго служенія и чрезвычайные дары св. Духа: *духъ премудрости и разума*, наставляющій и вразумляющій Его во всѣхъ Его рѣшеніяхъ, *духъ совѣта и крѣпости*, укрѣпляющій Его въ Его многотрудныхъ подвигахъ, *духъ вѣдѣнія, благочестія и страха Божія*, открывающій Ему истину, согрѣвающій Его сердце любовію къ подданнымъ и направляющій Его волю для славы и добра нашему дорогому отечеству.

Такимъ образомъ, настоящее торжество мы должны признать торжествомъ не одного лишь событія, совершаемаго нынѣ въ Москвѣ, но торжествомъ и народныхъ русскихъ идей и вѣрованій, которыя, хотя въ своемъ существѣ и богооткровенны, но до такой степени усвоены и воплощены въ духѣ русскаго народа, что ихъ можно назвать народными русскими идеями. Это идея о Царѣ, какъ Помазанникѣ Божіемъ, о сердцѣ Царевомъ въ рукѣ Божіей, о союзѣ между народомъ и Царемъ, о союзѣ не внѣшнемъ только, государственномъ, а и внутреннемъ, нравственномъ, сливающемъ народный организмъ въ одно живое, однимъ духомъ проникнутое, цѣлое съ его главой, о томъ особенномъ значеніи всенародной молитвы за Царя да въ Его мирѣ и благоденствіи будетъ и намъ залогъ жизни мирной, доброй и счастливой.

Но и въ эти серьезныя минуты священнаго торжества мысль наша невольно задается вопросомъ—дѣйствительно ли всѣ мы остаемся вѣрны всецѣло духу этихъ народныхъ русскихъ идей? Дѣйствительно ли мы составляемъ одно нравственное и политическое тѣло, неразрывно связанное съ его главой; есть ли въ нашихъ умахъ и сердцахъ то единеніе, которое составляетъ необходимое условіе всякаго преспѣянія, словомъ—любимъ ли мы разумною любовію наше отечество и желаемъ ли ему вмѣстѣ съ нашимъ верховнымъ Вождемъ благоденствія и счастія?

Всѣ эти вопросы на первый взглядъ представляются странными; но еще не было въ жизни русскаго народа момента, какъ настоящій, когда бы эти вопросы такъ неотвязчиво не предносились нашему общественному сознанію. Мы еще живо помнимъ то сравнительно очень недавнее время,—время страшнаго испытанія, всеобщаго русскаго горя, когда явились съ открытымъ лицемъ разные радѣтели и благодѣтели народа, самозванные представители общественнаго русскаго мнѣнія, которымъ то теперь и представлялось самымъ удобнымъ моментомъ покончить разъ навсегда со всей прошлой нашей исторіей, со всѣми завѣтными идеями духовной нашей жизни. И затѣмъ, когда здравомыслящая часть русскаго общества съ презрѣніемъ отвернулась отъ постыдной безтактности и пренебреженія ко всему родному этихъ лжепатріотовъ, посмотрите въ какомъ мрачно пессимистическомъ тонѣ заговорили они въ настоящее время. И тяжело давящая нравственная атмосфера, и безпробудная тупость и невѣжество вокругъ, и ужасное лицемѣріе, фарисейское ханжество и совершенное попраніе свободы человѣческой личности и т. п. жалкія выраженія, встрѣчающіяся чуть ли не въ каждой строкѣ ихъ писаній, имѣющихъ претензію характеризовать современное состояніе русскаго общества. А между тѣмъ и эти возмутительныя рѣчи прикрыты тоже національнымъ русскимъ знаменемъ—любовью къ отечеству.

Отселѣ само собой вытекаетъ, что поставленный нами выше вопросъ о разумной любви къ отечеству имѣетъ самое серьезное основаніе для того, чтобы мы и въ эти священныя минуты общерусскаго торжества поразмыслили надъ нимъ, дабы Благочестивѣйшій нашъ Монархъ, заявляя предъ очами всевидящаго Бога свой искренній обѣтъ служить добру и славѣ Его подданныхъ въ насъ самихъ не встрѣтилъ противниковъ своимъ благимъ предначертаніямъ.

Любовь къ отечеству есть одна изъ самыхъ крѣпкихъ, естественныхъ привязанностей человѣка, поэтому и странно было бы убѣждать въ томъ, что должно любить отечество. Въ этомъ всѣ убѣждены. Нужно только содѣйствовать расширенію и возвышенію этой привязанности, нужно только охранять ее отъ всего того, что возмущаетъ ее и вредитъ ей. Естественная наша привязанность должна прежде всего обратиться къ нашей странѣ, гдѣ мы получили жизнь, гдѣ вкусили первыя ея радости и гдѣ, подъ вліяніемъ различныхъ условій, сложились наши привычки и нашъ характеръ. Но сохранилась ли въ полной силѣ эта естественная привязанность въ современномъ русскомъ интеллигентномъ человѣкѣ? Къ сожалѣнію, въ весьма слабой сте-

пени. Современная литература, какъ мы сказали, принявъ крайне отрицательное направленіе, указывая лишь на темныя стороны русской общественной жизни (а гдѣ ихъ нѣтъ), воспитала во многихъ изъ насъ не скажемъ презрѣніе, а какое-то постыдное пренебреженіе ко всему родному, завѣтному и чуть ли не рабское поклоненіе, пристрастіе ко всему иноземному. А главный врагъ всякой истинной любви —это есть увлеченіе и пристрастіе. Оно бываетъ тогда, когда избытокъ чувства и сила привязанности вредятъ спокойной и ясной дѣятельности ума. Въ этомъ состояніи человѣкъ преувеличиваетъ хорошія свойства любимаго предмета и не видитъ его недостатковъ. Любовь къ чужимъ достойнымъ предметамъ, перешедшая въ пристрастіе, заставляетъ хвалить все чужое и порицать все свое. Истинная любовь не ненавидитъ, по слову апостола, не препятствуетъ заимствовать то, что есть лучшаго у другихъ, но не измѣняетъ личнаго характера народа, съ ревностію бережетъ основныя начала народной жизни. Пристрастіе къ своему часто бываетъ источникомъ одностороннихъ и ложныхъ сужденій о благахъ чужихъ странъ, которыя могутъ быть для насъ желательны, но и пристрастіе къ иноземному порождаетъ ложный взглядъ и превратныя сужденія о тѣхъ благахъ, которыми мы обладаемъ и нерѣдко о томъ, что составляетъ истинную силу народа, залогъ его благоденствія и процвѣтанія.

Но главный предметъ любви и благоговѣйнаго почитанія для каждаго народа есть его отечественная вѣра, какъ источникъ высшей духовной силы. Наша вѣра православная есть душа народа, св. церковь—его мать, руководительница и воспитательница. Отрицать эту вѣру—значитъ въ тоже время отрицать коренныя лучшія свойства нашего народа. Пока народъ русскій вѣренъ своей вѣрѣ и церкви, онъ не утратитъ того тонкаго чувства истины и справедливости, которое составляетъ основаніе его здравомыслія. Духъ благочестія и нравственнаго подвижничества, подъ руководствомъ уставовъ церкви, есть источникъ той крѣпости внутреннихъ силъ, той покорности Промыслу, того терпѣнія въ несчастіяхъ той готовности къ перенесенію разнаго рода испытаній и къ самопожертвованію за отечество, которыя засвидѣтельствованы всей русской исторіей. Подъ руководствомъ св. церкви сложился весь порядокъ его домашней и общественной жизни. Съ жизнію церкви сопряжена его собственная жизнь, съ ея цѣлостію—его безопасность, съ ея процвѣтаніемъ—его слава. Что единеніе въ вѣрѣ признается за крѣпкую связь между народами и неродственными, доказательствомъ этого могутъ служить тѣ печальныя для православнаго русскаго человѣка факты, которые совершаются въ родственныхъ намъ славянскихъ земляхъ. Слѣдовательно, могутъ ли существенно не отдѣляться отъ народа въ мысляхъ, стремленіяхъ, привязанностяхъ, свойствахъ, привычкахъ тѣ, которые не живутъ съ нимъ одною церковною жизнію? А между тѣмъ нужны ли доказательства той мысли, что это единеніе по вѣрѣ между большинствомъ интеллигентнаго русскаго общества и простымъ народомъ нарушено, порвано. Мы не говоримъ уже о той небольшой группѣ русскихъ людей, которые съ ложной гордостію величаютъ себя свободными мыслителями. Подобные вопросы о вѣрѣ на ихъ лицахъ вызываютъ лишь безапелляціонную улыбку презрѣнія и нѣмой, но, по ихъ мнѣнію, доказательный жестъ въ ту же сторону, гдѣ во имя якобы свободы изъ школъ выносятъ распятія и другія религіозныя эмблемы. Но прислушайтесь къ мнѣнію большинства, повидимому не утратившаго еще религіознаго чувства. Съ какимъ раздраженіемъ неувѣренности они относятся къ вопросамъ церковнымъ. Вы услышите страстныя рѣчи о какомъ то русскомъ клерикализмѣ, о необходимости въ интересахъ государственныхъ крайней и полной свободы исповѣданія вѣры, о рѣзкомъ разграниченіи вопросовъ религіозныхъ и вопросовъ чисто государственныхъ и т. д. Что же все это какъ не полнѣйшій индифферентизмъ въ отношеніи къ православной вѣрѣ, который въ сущности ничѣмъ не отличается отъ прямого атеизма? Отъ чего же произошло это раздѣленіе въ средѣ цѣльнаго и крѣпкаго народа? Отъ недостатка разумной любви къ отечеству, отъ пристрастія къ чужому, отъ пожертвованія для ложно представляемыхъ благъ внѣшняго просвѣщенія крѣпкимъ, вѣками сложившимся строемъ нашей внутренней жизни.

Слушатели! Если мы нелицемѣрно, искренно и разумно любимъ свое отечество, если мы желаемъ видѣть его окруженнымъ ореоломъ величія, счастія и благоденствія, то мы никогда не измѣнимъ тѣмъ основнымъ кореннымъ началамъ русской государственной жизни, которыя краеугольными камнями легли въ основу всего ея строя. Вѣра, царь и народъ должны быть для насъ завѣтными святынями, которыя мы съ ревнивою бдительностію должны оберегать отъ всякаго покушенія святотатственныхъ рукъ. Перестанемъ почитать патріотами тѣхъ, которые все отечественное привыкли порицать съ раздраженіемъ. Гдѣ раздраженіе, тамъ нѣтъ мѣста любви, а одно увлеченіе. Будемъ осторожны къ тѣмъ непризваннымъ преобразователямъ нашего отечества, которые хотятъ въ основу благоустройства нашей общественной жизни положить свои новыя личныя ученія, оторванныя отъ родной почвы; для которыхъ государственный организмъ есть ничто иное, какъ предметъ для разнаго рода болѣе или менѣе научныхъ опытовъ. Отвратимъ нашъ слухъ отъ зловѣщихъ шипѣній этихъ благодѣтелей, которые съ лицемѣрною любовію въ сердцѣ и злобыми рѣчами на устахъ трактуютъ о безнадежномъ, по ихъ мнѣнію, состояніи современной русской дѣйствительности. Желательный и прочный прогрессъ совершается не скачками и ненасильственнымъ прививаніемъ чужого, а медленнымъ и продолжительнымъ процессомъ самостоятельной народной работы. И надо быть или совсѣмъ слѣпымъ, или сознательно закрыть глаза, чтобы не видѣть той усиленной и строгообдуманной работы, по насущнымъ вопросамъ нашей государственной жизни, которая совершается въ настоящее время.

Съ полнымъ довѣріемъ къ свѣтлому будущему всецѣло предадимъ себя руководительству нашего возлюбленнаго молодого Монарха, и Онъ, миропомазанный св. церковію и окрыленный силою свыше, поведетъ насъ по тому пути исконныхъ началъ нашей народной жизни, которыя всегда служили девизомъ нашихъ Государей, такъ горячо и разумно любившихъ Россію.

Предыдущій № сданъ на почту 25-го Мая.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія. г. Вильна. Ивановская у. № д. 11. 1883 г.